

Борис Носик

В Истанбуле, в Константинополе...

Часть сборника
Пионерская Лолита (сборник)

Борис Носик

В Истанбуле, в Константинополе...

«Автор»

1996

Носик Б. М.

В Истанбуле, в Константинополе... / Б. М. Носик — «Автор»,
1996

"...Сидя тем же вечером в скверике между прославленной Ай-Софией, перебеленной в мечеть, и какой-то другой, огромной, в пол закатного неба мечетью, я вспоминал весь свой утомительный стамбульский день: дорогой и скучный, похожий на сувенирную лавку базар, ресторан, который тоже тщетно пытался быть дорогим, прохладный холл шикарной гостиницы, куда я зашел отлить. Что-то в ней было, в этой гостинице, предназначенной для более лучших, чего я не мог вспомнить и что теперь, сидя на скамеечке, припоминал..."

© Носик Б. М., 1996

© Автор, 1996

Борис Носик

В Истанбуле, в Константинополе...

Рассказ

Молодой дежурный был сыном хозяина гостиницы, албанца из Косова. Он довольно старательно изображал отчаянного уголовника, но, может, он и был уголовник. Мы сторговались с ним на семистах пятидесяти тысячах за ночь, что в переводе на русский язык означало десять долларов. Комнатка оказалась узенькой, крошечной, койка занимала ее почти полностью, а умывальник (он же писсуар, на мой худой конец) был в коридоре. Я опустился на койку и почти сразу же задремал – ночь в автобусе была мучительной и бессонной, а путешествие от средиземноморского Бодрума до Стамбула растянулось больше чем на полсутки...

Проснулся я от журчания голоса. Голосок был девичий, и говор показался мне русским. Я сонно усмехнулся: всякий нефранцузский говор казался мне в этом путешествии русским. Это была болезнь, от которой, мне казалось, я уже излечился за пятнадцать лет, но вот, видишь, снова... В нынешнем путешествии особенно знакомой казалась мне издали турецкая речь. Может, она переносила меня в Бухару, в Ташкент, в Фирюзу. Наверно, сумятицу эту вносило еще и ожидание. Я слышал, что русские заволокли уже анатолийский берег и Трапезунд, однако в толпах туристов, бродящих по древнегреческим руинам, мне попадались все, кроме русских. Может, русские не за тем ехали в Турцию...

Больше всего попадалось отчего-то канадцев и австралийцев. Наверно, пришел их черед обогащаться знанием. А может, просто какая-нибудь австралка вернулась домой из Турции и рассказала соседкам, что там все очень дешево в переводе на австралийские драхмы, а турки, о, турки – они очень милы... Они и впрямь были вполне симпатичные, эти турки. А уж иностранному-то понимали куда лучше французов.

...Нет, на сей раз девичий говор был определенно русским. Даже, я бы сказал, южнорусским. Неужели опять миражи, как в первые мои парижские годы?

Я поднялся и приоткрыл дверь. Теперь голос звучал вполне отчетливо. И впрямь русский говор, да еще с южнорусской интонацией. Девушка говорила громко, с нажимом – кому-то жаловалась, кого-то убеждала. Объясняла, что уже три дня за гостиницу не плочено, да и гостиница плохая, на боковой улице, черт-те где, вчера клиент два часа искал... Иногда она вдруг понижала голос, что-то там бормотала, почти шептала.

Я закрыл дверь. Подумал, что это все очень скучно: русские наташи штурмуют панель. Я уже видел их на Кипре... Вот еще вспомнить бы, отчего так интересно было когда-то читать купринскую «Яму». По малолетству? А отчего так скучно сейчас? Из-за возраста? Не знаю. Интерес к сексу ведь, увы, не слабеет. Пропадает лишь интерес к производственной теме. Я стал припоминать, отдавался ли нам кто-нибудь за деньги там, в России? Пожалуй, что нет. Не то чтоб неизбывная любовь царила в том мире промискуитета, откуда мы сбежали из нетерпения, нет. Отдавались нам из любопытства, из чистой симпатии, даже из уважения, из чувства долга и просто согласно ритуалу (вот уже и чай пили, и об искусстве беседовали, теперь что ж дальше...). Из корысти тоже, конечно, отдавались, но не без примеси чувств. И никогда, чтобы так вот – деньги на бочку. С последней прямоотой. Нет, нет, декорум был всегда соблюден. Дома помогали стены (забитые книгами), родной язык (неплохо подвешенный). Да и возраст был иной, напор. Тут главное – напор. Ностальгия первых эмигрантских сочинений (а кто ж не писал в те годы – и врачи, и социологи, и кремлеведы, и кремленологи, и стукачи) была не только тоской по березкам и молодости, но и по утраченному с потерей статуса мужскому достоинству... Помню вот дома, вот там... Наименее интересное вспоминалось как браки –

первый брак, второй, третий, – но тут кто ж тебе виноват? Об этом, впрочем, вообще лучше не вспоминать...

Я встал, сунул ноги в кроссовки. Надо было идти смотреть город Стамбул, Ай-Софию, Золотой Рог... Пока то, что я видел из окна автобуса, при въезде в город, было ужасно: многие километры неряшливых бетонных коробочек, то ли оставшихся неотделанными – по небрежности, то ли вообще недостроенных – из-за недостатка средств. И то сказать, город вырос за недавние годы раз в десять – пятнадцать, говорят, в нем уже больше двенадцати миллионов. Как живут, чем, зачем? Что-нибудь, наверно, продают друг другу. Или все вместе все подряд – туристам. Как эта вот наташа из соседнего номера. Или молодой бандит-югослав.... Я выбрался из нашего уютного переулочка с его стариками, курившими кальян, копеечными овощными лотками и переговорными пунктами, которых в Турции больше, чем в целой Европе. На главной улице было полным-полно народу. Большинство турок что-то кому-то продавали в розницу. Остальные возвращались по домам, вероятно уже обслужив свои торговые точки. Посреди улицы горделиво и медленно двигался одновагонный трамвайчик, раскрасавец двадцатых годов, в целом мире ставший вдруг желанным признаком прогресса и спасением от вонючих машин. Ближе к базару Баязет толпа стала еще гуще. Вдруг попала надпись на русском, предлагавшая меха и брильянты. Совсем задешево. Дешевле пареной репы. Потом русских надписей стало много. Магазины наперебой извещали, что у них тут говорят по-русски. Можно было зайти в магазин, поболтать, подлечиться от ностальгии. На углу, у светофора, я слышал русскую речь... Молодые женщины. Мордатые. Во всем кобедничном. Русской их речь можно было назвать только условно. В ней была густая примесь диалектов, акцентов, новых жаргонов, нанизанных на шампур недоученной украинской грамматики. Пахло Кишиневом, Херсоном, Одессой, Нальчиком. Глядели они, впрочем, опасливо, недружелюбно. При первых русских словах еще крепче вцепились в огромные полиэтиленовые пакеты, которые волокли в гостиницу. Что там было в пакетах, можно было только гадать. Вероятно, меха и брильянты. Одна из дам коротко ответила на мое приветствие, две другие тут же взглянули на нее осуждающе. И то сказать, нынешний вид мой был малопривлекателен, а раньше мы с ними не были знакомы. Да и кем мог оказаться человек, заговоривший с вами по-русски «за границей»? Скорей всего, жуликом. В лучшем случае – конкурентом. Ничего себе лучший случай! Но хоть страх перед шпионом ослаб...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.